

ЛИНИЯ ЛИЛИИ

«Мне хочется увести от черного цвета мрачный протестантский имидж»

23 марта Лилия Киселенко представит юбилейную коллекцию № 40. Тем самым открыв знаковый для модного дома Lilia Kisselenko год — двадцатый с момента основания.

— Вы начинали свой путь в дизайн моды, если это не пафосно звучит, еще в доперестроечное время, когда, кроме Славы Зайцева, имена модельеров были неизвестны. Приехали после окончания школы из маленького Балтийска, чтобы стать знаменитой?

— Чтобы поступить в Мухинское училище. Не поступила. И пошла работать в Дом моделей одежды на Невском, 21. Дома моды на Петроградской, на Тухачевского работали как ателье. А Дом моделей — как проектное бюро, которое обеспечивало фасонами и лекалами все фабрики Советского Союза. Штат был маленький, место — не для всех: была библиотека, иностранные журналы, книги по искусству, работали такие красавицы и варилась такая публика!

— Насколько я знаю, вы трудились там зарисовщицей.

— Да, это технический рисунок, в нем важна масса деталей: строчка, ее ширина, количество пуговиц, сколько отступить от края борта... Рисовали на длинной калечке, пером с тушью. Норма выработки — и десять изделий, и больше, все это еще в размерной сетке. Рисунок прикладывался к папке-техдокументации, где указывалась возрастная группа, размерная, рекомендован материал, фурнитура. Открыв эту папку, можно было отшить костюм хоть на Дальнем Востоке.

— Помните, какая была зарплата?

— 110 рублей плюс премиальные. Все, кто работал в Доме моделей, владели ремеслом — шили, вязали. Выход сотрудниц Дома в шесть часов вечера на Невский проспект представлял собой дефиле: девушки очень модные, одеты с иголочки, правильно причесаны. Это мои главные университеты. Я проработала зарисовщицей семь лет — и тут не стало СССР: Дом моделей приватизировался, акции выкупила британская компания Ede & Ravenscroft — они хозяева дома Мертенса и сейчас. (Что самое интересное, у них до сих пор есть швейное производство, где делают манжеты для английских вузов.) Они пригласили российских дизайнеров к сотрудничеству. Так появилась моя самая первая коллекция, круг замкнулся. Я до сих пор захожу на Невский, 21, и плачу: главный демонстрационный зал остался таким же, как и раньше, только стал торговым, зона примерочных на том же месте, люстры те же...

— Вы ингерманландская финка, вам полагается быть замкнутой и сдержанной.

— Ну, плачу не в прямом смысле. Но екает. Я очень эмоциональная для чухонской девушки. И кстати, это миф о том, что финны замкнутые, этот имидж им создал хуторной образ жизни. Они редко разговаривают — потому что не с кем. Но если встречаются с приятелями, болтают и хохочут так, что не остановишь. У нас есть знакомые финны с бешеным темпераментом.

— Как в вашей биографии появилась «Невская мануфактура»?

— Когда мы познакомились и подружились с Ирой Селютой (неизменным директором модного дома. — R), она жила в Гатчине, как и я. Нас пригласили на производство шерстяных тканей, чтобы мы организовали экспе-

риментальный цех: из советских, тяжелых, мрачных материй стали шить коллекции, ездили по стране с гастролями. Был еще момент вызова. С хорошими тканями работать сможет всякий, а вот с тяжелыми — поди попробуй. Клиентками стали Клара Новикова, Ира Понаровская — это хорошая имиджевая реклама.

А потом расплозлась, развалилась и «Невская мануфактура» — и мы ушли в свободное плавание: в 1998 году, за неделю до кризиса, открыли модный дом на улице Уральской в тандеме с нашим советчиком, меценатом, другом Марком Григорьевичем Раяком (владелец торгового дома «Аркада», представляет бренды Arte, Domini, Anna Verdi. — R). Пару лет он нас пестовал, помог с оборудованием, помещением — и отпустил: «Вы сами все можете». Я считаю, это очень мужской поступок, тем более в те волчьи времена.

— Сейчас ваш модный дом больше позиционирует себя как ателье?

— Ателье — очень красивое слово, в переводе «мастерская людей, занимающихся искусством или художественным ремеслом». Именно этим мы и занимаемся — делаем две коллекции в год, показываем, затем развиваем новые идеи в разных тканях, шьем готовую одежду по сетке: 44-й размер, 46-й и т. д. К сожалению — или к счастью — у женской фигуры часто верх одного размера, низ — другого, знаю это по себе. Женщине, которая хочет, чтобы все сидело, которой уже не шестнадцать, которая намерена не изнурять себя диетами, а вести гармоничную жизнь с другими заботами, нужен индивидуальный пошив. Массовая одежда меня не вдохновляет вообще. Когда я вижу десять одинаковых изделий в рядок, мне плохо становится. К тому же в массовом производстве и ткани другие используются, а для нас очень важен тактильный момент — эффект прикосновения платя к телу.

— Одежду каких марок вы носите?

— Ношу Ямамото, Хельмута Ланга (хотя, наверное, он немного мне изменил), люблю неизвестных китайцев и корейцев. Мне интересно, как это все сделал другой человек, из чего.

— Вас наверняка миллион раз спрашивали, и все-таки: почему коллекции под цифрами, а не под названиями?

— Цифры очень универсальны. Они бесконечны. В них нет никакого посыла. Двадцать лет назад мы решили назвать коллекцию «№ 1», и я думаю, это пока еще оригинально.

— У вас есть самая-самая любимая вещь?

— Наверное, только в воспоминаниях из детства. Моя бабуля была очень большая модница. У нее было черное платье с квадратным вырезом. Она его надевала только на кладбище. Что такое правильная одежда? Когда ты одет в конкретное время года и по конкретному случаю, только так, а не иначе. Это система хорошего тона: не выходить в халате на лестничную клетку, без шляпки на улицу. Как бы я ни хотела скандалить и быть революционной, для меня эти догмы очень важны: я считаю, что хороший тон спасет мир.

— В вашем личном гардеробе раньше еще присутствовали цветочные акценты. Теперь исключительно черный. Чем это продиктовано?

— Наверное, я отточила это платье для кладбища. Очень обидно, что у каждого цвета есть имидж: если ты в розовом, то дура, в черном — недоступ-